

И. ЕГОРОВ, Г. ЮРМИН

МОЙ ПАПА-ЛЁТЧИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“ 1973

Георгий ЮРМИН

Игорь ЕГОРОВ

МОЙ ПАПА-ЛЁТЧИК

Издательство "МАЛЫШ" 1973

ОМСКАЯ БАБУШКА

У всех моих друзей—по две бабушки: мамы их мам и мамы их пап. У меня—тоже. Но у них обе бабушки московские, в Москве живут, а у меня московская только одна. Вторая, папина мама, живёт в Омске. Мы её так и называем «омская бабушка». Папе хорошо: он омскую бабушку часто видит. Потому что мой папа лётчик и в Омск летает чуть не каждую неделю. А я вижу её редко.

Каждый раз папа привозит мне от омской бабушки подарки: то большую кедровую шишку с орешками, то сибирские ватрушки с мясом — беляши, то ещё что-нибудь.

Не надо мне больше подарков от бабушки, хочу саму бабушку. Когда же мы с ней встретимся?! Я соскучился.

Я думал—ещё не скоро, а вышло—скоро.

АЭРОДРОМ В КОМНАТЕ

Однажды вернулся папа домой из полёта, положил на стол какой-то пакет и говорит нам с мамой:

— Ур-ра! С завтрашнего дня у меня отпуск.

Я спрашиваю:

— Значит, ты целый месяц никуда не полетишь?

А папа переглянулся с мамой и отвечает:

— Нет, полететь всё-таки придётся. Но на этот раз—простым пассажиром. И с собой знаешь кого возьму? Тебя, Игорёк. Так что готовься. Вместе полетим. В Омск. К бабушке.

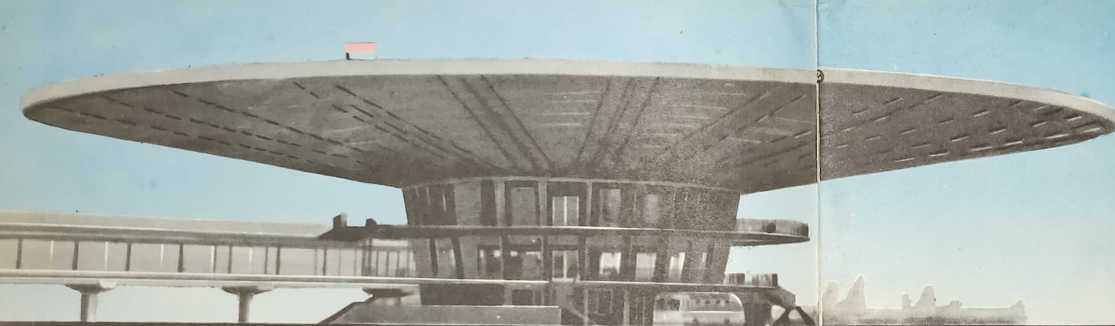
Я обрадовался. Вот здорово! И бабушку повидать, и на самолёте прокачусь. Хотя папа у меня и лётчик, а я ещё ни разу в жизни на самолёте не летал.

— Ну-ка, какая машина тебе больше нравится? Выбирай,—сказал папа и стал разворачивать свой пакет.

В пакете была коробка с надписью: «Я лётчик». А в коробке—самолётные крылья, хвосты, кабинки, колёсики... Всё—из бумаги. Мы взяли ножницы, клей, стали вырезать, клеить. Получилось много разных самолётиков. Много современных и один старинный, похожий на этажерку. И все, как настоящие. Так что теперь у нас не комната, а прямо аэродром.

— Вот в какой машине мы полетим к нашей омской бабушке,—сказал я, взял в руки самолётик с надписью ТУ-104 и стал с ним играть.

СКОЛЬКО ВЕСИТ ПЕТУХ

Целых три дня я ждал, когда же, наконец, мы отправимся в путь, и всё спрашивал у мамы: «Сегодня полетим?»

— Нет, — отвечала мама, — после послезавтра, потом — послезавтра, потом — завтра.

И вот долгожданное «завтра» наступило. Мы собрали чемоданы и втроем отправились в аэропорт.

Около громадного, похожего на хрустальный дворец аэровокзала было полно народу. Все торопились, боялись опоздать на самолёт. И мама за нас боялась. Поэтому мы бегом помчались в «хрустальный дворец». Впереди — мама, за ней — я, а сзади — папа с чемоданами. Остановились мы только у окошка «Справочного бюро», из которого выглядывала девушка в синей пилотке.

Какой-то моряк спрашивал у неё про гостиницу, какой-то юноша в спортивном костюме — где его товарищи по футбольной команде. А старушка с корзиной беспокоилась, примут ли в багаж её петуха.

После старушки была наша очередь. Мы узнали, когда начинается посадка в наш самолёт, и пошли сдавать багаж.

Петух, который, оказывается, тоже летит в Омск, и здесь был впереди нас. Он что-то сердито бормотал из корзины. Старушка открыла её и стала прощаться со своим Петенькой. А он высунулся оттуда, этот петушок-золотой гребешок, масляна головушка, шёлкова бородушка, и закукарекал. Потом старушка снова закрыла корзину и поставила её на весы с круглым, как у часов, большим циферблатом и одной стрелкой. Стрелка поползла по циферблату и остановилась у цифры 5. Значит, Петенька вместе с корзиной весит пять килограммов.

Скоро и наши чемоданы, и корзину с петухом, и другой багаж повезли грузить в самолёт.

А мы пошли пить лимонад. Но не дошли. Потому что посреди зала я увидел... самолёт. Для настоящего — слишком маленький, для игрушечного — слишком большой. Папа сказал, что это такая модель самолёта.

Я во все глаза смотрел на него, а маме было неинтересно. Она рылась в своей сумочке и ойкала: — Ой, где билеты?! Ой, где багажные квитанции?!

Конечно, билеты и квитанции спокойно лежали в сумочке. Тогда мама принялась за часы. Это были не простые часы со стрелками, а электрические, без стрелок. Время отсчитывали большие огненные цифры, которые то и дело вспыхивали на стене аэровокзала. Каждую секунду последняя цифра менялась: 10—25 (значит, 10 часов 25 минут), 10—26, 10—27, и мама говорила своё любимое «Ой!»: «Ой, опоздаем!», «Ой, не успеем!»

— Ну, что ты всё волнуешься? — успокаивал её папа. — Рано ещё. Мы с Игорем успеем даже аэродром поглядеть. — И мы пошли на аэродром. Ведь мой папа лётчик — его всюду пропускают.

РЕГУЛИРОВЩИКИ ВОЗДУШНОГО ДВИЖЕНИЯ

Недалеко от аэровокзала я увидел башню с застеклённой будкой наверху.

— Там диспетчерский пункт, — сказал папа. — За стеклянными стенками сидят диспетчеры. Без их приказа ни один самолёт не взлетит и не садят.

— Давай подождём, — попросил я, — пусть диспетчер при нас выглянет в окно и закричит самолёту: «Вылетай!» или «Садись!»

— Вот чудак! Зачем же диспетчеру кричать? — засмеялся папа, — а радио на что? По радио диспетчер может с лётчиком даже шёпотом переговариваться. Не беда, что их разделяют десятки километров, — всё равно услышат друг друга. Без диспетчерских приказов

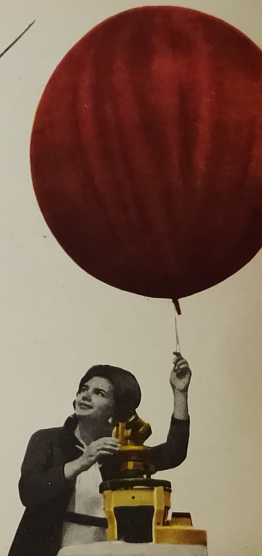
и на аэродроме и над ним была бы ужасная неразбериха. Как на оживлённом уличном перекрёстке, если там нет милиционера-регулирующего или глазастого светофора.

— А этот воздушный шар — разведчик погоды. К нему привязаны разные приборы и маленькая радиостанция, — сказал папа. — Летит такой шарик высоко над облаками и что ни узнает, о том писклявым радиоголоском — ти-ти-ти! — сообщает на землю. Вдруг где-то в небе громыхает гроза! Теперь-то лётчики в неё не сунутся, облетят стороной опасное для воздушного корабля место.

...Шли мы, шли и остановились недалеко от взлётно-посадочной дорожки. Я её называл дорожкой... А на самом деле — это широченная дорога. Лётчики говорят про неё — взлётная полоса. По ней самолёты разбегаются, чтобы подняться в воздух, и по ней же делают пробежку после посадки.

А вот и самолёт. Он всё ближе, шум всё громче, вынырнул из-за леса, выпустил из туловища колёса и точно угодил на дорожку. Сначала он бежал по ней быстро-быстро, потом медленней, медленней, урча, свернул в сторону, подкатил к стоянке и замер.

ИЛ, ТУ и ЧИЖ

Пока мы с папой шли на стоянку, я тоже был самолётом: рычал по-самолётному и руками покачивал, как крыльями.

— Стоп! — сказал папа. — Глуши моторы! Зачем играть в самолёт, когда настоящие самолёты рядом?

— Вот этот, который сейчас прилетел, — сказал папа, — называется ИЛ-18. Его построил наш авиаконструктор Ильюшин. Первые буквы фамилии авиаконструктора и стали названием самолёта.

А это дожидается пассажиров АН-10 (от фамилии авиаконструктора Антонова).

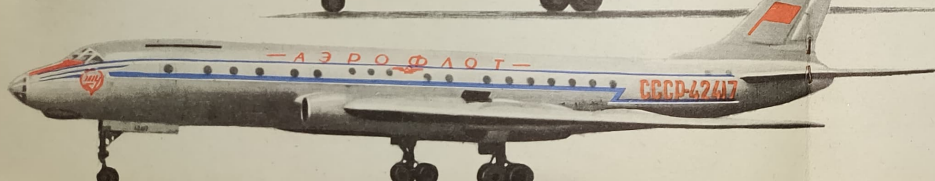
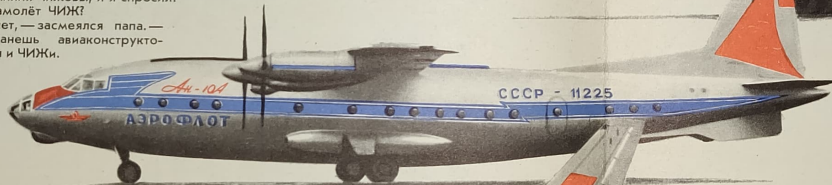
А вот и наш самолёт-быстролёт ТУ-104. Его создал знаменитый авиаконструктор Туполев.

Наша с папой фамилия Чижовы, и я спросил:

— А где стоит самолёт ЧИЖ?

— Такого пока нет, — засмеялся папа. —

Вот вырастешь, станешь авиаконструктором — тогда появятся и ЧИЖи.

ЛЕТАЮЩИЙ „МОСКВИЧ“

— Как мне известно, — сказал папа, — ты, Игорёк, любишь кататься на такси.

— Ага, — сказал я.

— По земле? — спросил папа.

— Конечно, по земле, не по небу же!

— Так вот тебе, пожалуйста, такси, которое возит людей по небу. — И папа подвёл меня к машине с громадным винтом на спине. Среди великанов-самолётов она казалась маленькой птичкой.

Воздушное такси и называется по-автомобильному — «Москвич». Это такой вертолёт. Крыловинт у него вертится — оттого и вертолёт. Летящий «Москвич» перевозит пассажиров из одного аэропорта в другой.

Удобная машина. Папа говорит, что вертолёт может и без аэродрома обойтись. Была бы хоть крошечная площадка. Вертолёт с этого пятачка без труда взлетит и так же легко на него сядет. Он не то что самолёт — он перед взлётом не раз-

бегается и после посадки не мчится по полю. А так: подпрыгнет с места — и свечкой под облака. С облаков — нырк — и напрямик на землю.

Повадки у вертолётчиков — прямо стрекозиные. Летит, летит — остановится в воздухе и повиснет, точно стрекоза, между небом и землёй. Повисит, подумает о чём-то — снова в путь. Ещё он умеет боком лететь и задом пятиться. Правда, сам видел! Самолёту ни за что не проделать такие фокусы.

Вертолёт к тому же и мастер на все руки. Есть вертолётчики — пожарники. Они пожар прямо с неба тушат, когда лес горит. Попробуй, подступись с земли, если кругом невыносимая жара.

Есть вертолётчики «скорая помощь». Они мигом доставят человека в больницу, спасут людей, унесённых на льдине в море.

А ещё папа мне сказал, что есть вертолётчики-строители. Подцепят они с земли громадную железобетонную балку — и на вершину строящегося дома.

Прямо летучий подъёмный кран!

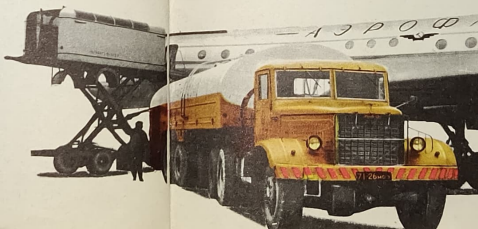
100 ПИРОЖНЫХ И 200 ЧЕМОДАНОВ

Я думал, никогда больше не увижу петуха-путешественника. А он тут как тут — вместе с другим багажом очутился рядом с нашим самолётом. Вскоре все двести чемоданов (наши два я сразу узнал) и корзину с Петей-петушком самоходная дорожка доставила в просторное брюхо самолёта.

Потом к самолёту подъехал автомобиль-бочка заправлять его горючим. Чтобы до самого Омска хватило.

А автомобиль-вышка здесь уже давно стоял. На вышке примостились механики и копошились в самолётном моторе.

Напоследок подъехал грузовик с закрытым кузовом — автофургон. Что в нём? Вдруг кузов стал всё выше подниматься над своими колёсами, очутился у самой самолётной дверцы и стал разгружаться. Привёз для пассажиров обед, пирожные, лимонад.

— Сколько там пирожных? — спросил я у папы.

— Сколько пассажиров, столько и пирожных: ровно сто штук. Так что не волнуйся — на нас хватит.

А сам папа стал волноваться. Не из-за пирожных, из-за часов.

— Ого, как поздно! Бежим скорей к маме, а то обоим влетит.

Но мы подоспели вовремя.

— Лётная дисциплинка! Минута в минуту, — подмигнул мне папа.

НАД ПОЛЯМИ, НАД ЛЕСАМИ И НАД РЕЧКАМИ

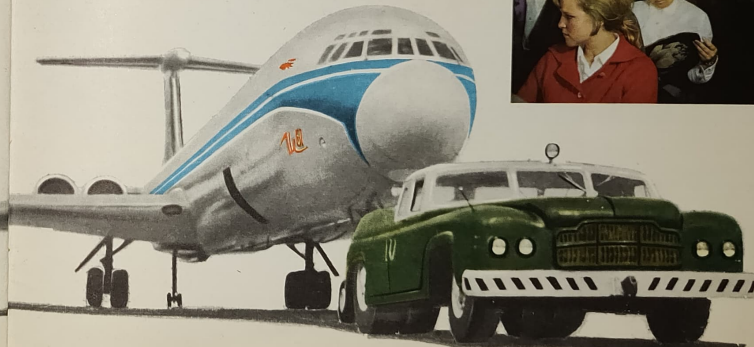
Вскоре мы попрощались с мамой и бегом к поезду. Правда — к поезду! Только к автомобильному. Он по асфальту катится, везёт пассажиров от аэровокзала к самолёту. Мы едем в вагончике автопоезда и маме рукой машем, а она нам.

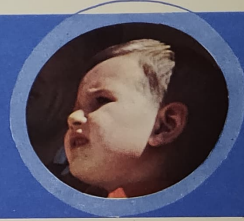
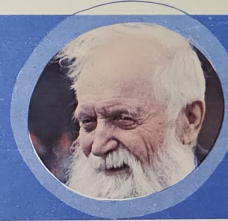
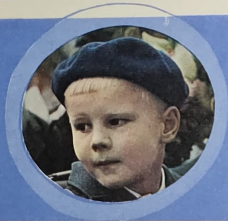
Быстро доехали. Как раз подроспели посмотреть на лестницу-самокатку. Она катила рядом с нами по аэродрому, как автомашина. И гудела тоже по-автомобильному. Остановилась она у самого самолёта, да так, что верхние ступеньки очутились точно возле открытых дверей. Самолёт же высокий, без лестницы не обойтись. Поднялись мы по крутым ступенькам — и в кабину.

Все пассажиры заняли свои кресла, и мы поехали: тихо-нечко, плавно. Это нас потащил на прицепе грузовик-тягач. Привёз на взлётную полосу, отцепился и повернул домой.

Тут лётчик как включит моторы, самолёт как загудит! Словно зарычала сразу тысяча диких зверей. Наш самолёт медленно выехал на взлётную дорожку, остановился на минуту и бросился бежать, подпрыгивая на ходу. Быстрее... Ещё быстрее... Ещё... Дорожка да трава, да кустики перед моими глазами так и замелькали. Потом и дорожка и кустики

ки стали делаться всё меньше, самолёт больше не трясло, и я понял: мы оторвались от земли.

Вскоре земля скрылась за облаками.

Папа нажал на кнопку, спинка его кресла откинулась, и он стал дремать. А я — читать «Мурзилку», вернее, разглядывать картинки. Не заметил, как подошло время обеда. Обед нам принесла на пластмассовых подносах бортпроводница в синей пилотке и в синем с золотыми пуговицами пиджачке. Я всё съел: вкусно, особенно пирожное!

После еды я заснул, и мне приснилось, будто я сижу в кабине у лётчиков и держу в руках самолётный штурвал.

Вот чудеса: что приснилось, то на самом деле получилось!

Когда я проснулся, то увидел, что папа встал с кресла и разговаривает с командиром нашего корабля. Вскоре этот лётчик повёл меня в свою кабину.

Стенки у неё прозрачные. Справа от входа си-

дит радист с наушниками на голове. Это он переговаривается по радио с землёй.

Слева — место механика, который наблюдает за работой всех аппаратов и приборов. Впереди — командир (папин приятель) и его помощник. А в самом носу корабля пристроился штурман. Его дело — прокладывать по карте путь нашему самолёту и следить, чтобы мы летели точно по курсу, не отклоняясь ни вверх, ни вниз, ни в сторону.

А приборов-то здесь было, приборов! На стенках им места не хватило, так они даже на потолке примостились. Повсюду виднелись ящички, щитки, всякие рычажки, выключатели, разноцветные лампочки, светящиеся экраны... Хочешь узнать, сколько горючего осталось в баках самолёта, смотри на стрелку одного прибора. Хочешь узнать, с какой скоростью летишь, гляди на другой. Есть прибор, который высоту показывает... Сейчас приборы говорили, что высота десять километров, а ско-

рость девятьсот километров в час. Лети мы с такой же быстротой до Ленинграда, весь путь занял бы меньше часа. А на поезде туда ехать целую ночь.

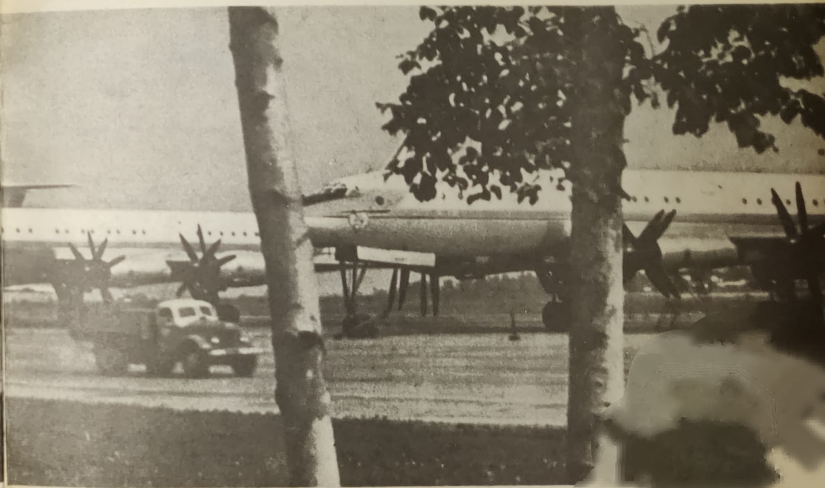
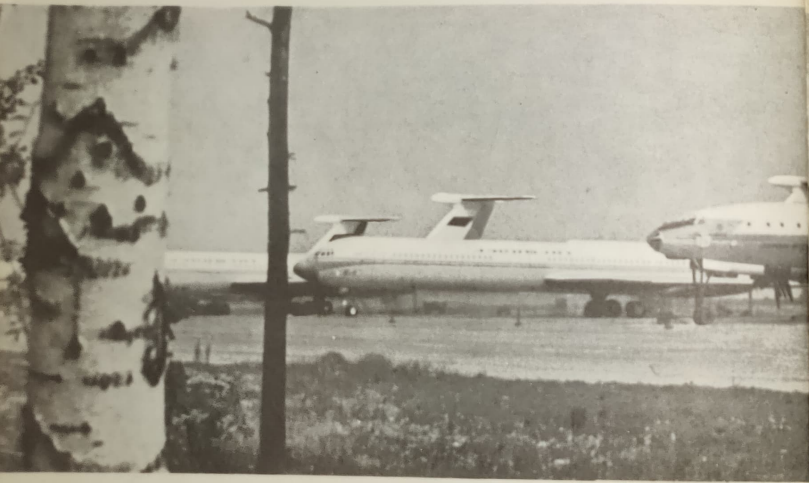
Ещё я посмотрел на штурманскую карту и штурманский компас. И тут до конца исполнился мой сон: командир корабля разрешил мне поддерживать в руках штурвал самолёта.

Я бы хотел ещё долго сидеть за штурвалом, но мы приближались к Омску. А когда самолёт готовится к посадке, все пассажиры должны вернуться на свои места и привязаться к креслу ремнями.

Мы так и сделали. И скоро наш самолёт подрулил к зданию аэропорта.

Здравствуй, омская бабушка!

Для дошкольного возраста

*Игорь Михайлович
Егоров*

*Георгий Альфредович
Юрмин*

МОЙ ПАПА — ЛЕТЧИК

Тенет Г. Юрмина

Фотографии И. Егорова

Оформление И. Марголина

Редактор Н. Сендеров, Художественный редактор Ю. Полыанов, Технический редактор Т. Шаптева, Корректор С. Блажштейн. Сдано в производство 27/1-72 г. Подписано в печать 9/11-72 г. Тиража offsetная № 1. Формат 84х108/16. Печ. л. 1,5. Усл. печ. л. 2,5. Уч.-изд. л. 3,32. Тираж 150 000. Изд. № 532. Заказ № 573. Издательство «Малыш» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, Москва, К-55, Бутырский вал, 48. Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росгизполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.